

ФИЛОСОФСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
НАРОДОВ ВОСТОКА
И СОВРЕМЕННОСТЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ ВОСТОКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

Редакционная коллегия
В. Г. БУРОВ, Д. В. ДЖОХАДЗЕ,
Е. А. ФРОЛОВА

Работа посвящена исследованию роли философского наследия народов Востока в современной идеологической борьбе. Показывается влияние мировоззренческих систем прошлого на формирование философских и идейно-политических учений новейшего периода, дается критика немарксистских интерпретаций истории восточной философии. Сделана попытка комплексного подхода к изучению темы, при котором теоретико-проблемный анализ сочетается с регионально-страноведческим.

Ф 0302030103-123 39-83
013(02)-83

© Главная редакция восточной литературы,
издательства «Наука», 1983.

ВВЕДЕНИЕ
ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ
НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ
(постановка проблемы)

Радикальные перемены, происшедшие и происходящие в жизни народов, которые встали на путь независимого развития или борются за свободу, сопровождаются, как всегда в периоды крутой социальной и политической ломки, пересмотром всех устоев жизни общества, в том числе духовных. Резче обозначается альтернативная прошлому позиция отмежевания от него, кардинального разрыва с ним. Но одновременно в качестве противовеса столь же определенно возникает движение защиты прошлого, апелляция к нему, и не только со стороны консервативных и реакционных сил, но и со стороны носителей прогрессивных идей. Приобретают масштабный характер националистические течения, принимающие форму массовых движений. И хотя в каждой из этих противостоящих друг другу позиций содержится доля жизненной правоты, они не свободны от одно-сторонности, рождаемой классовыми устремлениями.

Задача философов-марксистов состоит в том, чтобы найти подход, позволяющий дать научно правильный ответ на поставленный историей вопрос — о роли культуры прошлого в современной жизни народов Азии и Африки.

Под культурным наследием понимаются такие важные духовные ценности, как культурные традиции, устойчивые стандарты мировосприятия и поведения, нормы морали, стереотипы мышления, политические, правовые и философские идеи, эстетические представления. Без этих традиций абсолютно невозможна не только гражданская, но и экономическая история любой страны. Они фиксируют общественно значимые и становящиеся всеобщим достоянием достижения мысли и нравственности, образуют исторические корни современного существования народа, истоки его бытия. Отказаться от них полностью — значит лишить его во многом проверенной историей ориентации, разорвать сложившиеся с миром связи.

Но нередко укоренившиеся стереотипы мировосприятия мешают увидеть новые аспекты, новые пути, ведущие к более раз-

витым формам организации общества. Что это за стереотипы и в какой мере они консервативны? На эти вопросы также пытаются ответить научная теория. Марксистская философия рассматривает культурное наследие не как одноплановое и однородное явление, а как живой, сложный организм, воплощающий разные общественные тенденции и сопряженный с разными компонентами социально-экономической структуры. В духовном наследии каждого народа неизбежно наличие элементов, имеющих неодинаковую мировоззренческую окраску. Этим и объясняется, что к одному и тому же феномену, но разным его аспектам обращаются представители диаметрально противоположных классовых сил.

Степень актуальности изучаемой проблемы меняется в зависимости от исторических условий в конкретном регионе, конкретной стране, определяется ролью наследия в реальном пространственно-временном социальном контексте.

Очевидно, что сегодня в афро-азиатских государствах оно играет неизмеримо большую, чем в Европе, роль. Здесь по ряду причин в течение длительного периода отсутствовали возможности практического решения социальных проблем, и общество жило за счет мифологизации прошлого, фетишизации традиций. И сейчас в этих странах наследие выступает как неотъемлемый элемент современной социальной действительности: составляющие его ценности — детерминанты всех аспектов этой действительности. Сам процесс формирования новых явлений духовной жизни совершается с позиции культуры прошлого. При этом нужно иметь в виду одно очень важное обстоятельство. Распространение в этих странах культуры Запада порождает вестернизацию национальной культуры. Данный процесс чрезвычайно противоречив; он, правда, стимулирует социальный прогресс, обогащает народы Востока достижениями других народов (хотя овладение новыми ценностями нередко идет на пользу лишь привилегированным слоям). Вместе с тем по мере проникновения идеологии, науки, литературы Запада из духовной жизни восточных стран вытесняется значительная часть их наследия, возникает угроза потери ими самобытности. Не случайно тревога за судьбы традиционной культуры становится одним из неотъемлемых факторов политической борьбы масс.

Составная важнейшая часть духовного наследия — наследие философское. По образному выражению К. Маркса, «всякая истинная философия есть духовная квинтэссенция своего времени», «представляет собой живую душу культуры» [1, с. 105]. Свидетельством активизации движения за возрождение национального достояния ранних периодов истории, за включение его идейного содержания в практику современной культурно-созидательной деятельности служит возрастающий интерес в афро-азиатских государствах к своему философскому наследию. Это убедительно доказывают обилие соответствующей научной литературы, дискуссии, проводимые на эту тему на международ-

ных и национальных конгрессах, выходящие большими тиражами переводы, комментарии памятников древности и средневековья. Авторами многих трудов, посвященных философским системам прошлого, участниками дискуссий, переводчиками классических произведений выступают видные ученые, известные деятели культуры, влияние которых на формирование общественного мнения весьма велико.

Развитие философии в любой стране, у любого народа непременно предполагает выявление отношения к доставшимся от предшествующих эпох мировоззренческим проблемам, способам их решения и их субординации. Содержательная оценка более ранних учений всегда присутствует в работах мыслителей поздних периодов. Она обязательно сопряжена с вынесением суждений по поводу их ограниченности или непреходящего значения. В последнем случае возникает потребность в их усвоении. Без заимствования тех или иных компонентов наследия не может обойтись ни одно философское направление, ни одна философская школа, в том числе и на Востоке.

Духовное наследие вообще и философское в частности выполняет две функции, которые условно можно назвать «теоретической» и «социальной». В нем черпают аргументы, с одной стороны, для создания теоретических построений, с другой — для обоснования социальной политики. К нему апеллируют и в поисках наиболее адекватных ответов на острые концептуальные вопросы, и для оправдания конкретных политических действий. При этом возможны использование консервативных элементов в прогрессивных и даже революционных целях и, наоборот, защита ретроградных мероприятий с помощью позитивных. В таком случае неизбежны их деформация и извращение.

Представители различных социальных слоев и идеологических группировок в государствах зарубежного Востока по-разному относятся к изучению и обсуждению идейного содержания традиционной мировоззренческой мысли. Диапазон концепций необычайно широк — от откровенно апологетических до явно неигилистических. Одни ищут в философском наследии опору своим культурологическим и философским теориям. Нередко это сопровождается «тотальной» гальванизацией учений прошлого, их объявляют выражением «национального духа». Собственные философские доктрины противопоставляются инонациональным, которые классифицируются как «чужеродные» элементы. Идеологическая окраска последних мало интересует авторов подобных теорий: они равно отрицательно относятся и к буржуазной и к марксистской философии. Другие, исходя из положения о важности диалога западной и восточной культур, указывают на возможность обогащения национальных традиций концепциями зарубежных авторов. Причем, как и в первом случае, наблюдается обращение к учениям противоположной идеологической ориентации. Отсюда — появление теорий «синтеза». Третьи за-

нимают резко негативную позицию по отношению к философским системам древности и средневековья.

Идеологи реакционных кругов, консервативно настроенные ученые, спекулируя на патриотических чувствах, пытаются возрождать самые регрессивные элементы философских доктрин прошлого и одновременно замалчивают или извращают прогрессивное их содержание. В противоположность этому передовая научная общественность в странах Востока стремится понять и раскрыть те непреходящие ценности классического наследия, которые стимулируют дальнейшее социальное и культурное развитие, вдохновляют массы на борьбу за торжество идеалов гуманизма, демократии и социального прогресса. Совершающаяся таким образом актуализация проблемы философского наследия выдвигает ее рассмотрение на передний край идеологической борьбы.

Говоря о возрастающем интересе к данной проблеме в афроазиатских странах, нельзя не отметить очевидные сдвиги в ее исследовании. Если до войны сама постановка проблемы была недостаточно четкой и большинство ученых полагали, что мировоззрение народов Востока в корне отлично от мировоззрения Запада, что ему присуще особое, «интуитивное» восприятие действительности, то во второй половине XX в. картина меняется.

В настоящее время исследователи, как правило, решительно отвергают европоцентристские взгляды относительно неспособности «восточного ума» к философскому мышлению. Вместе с тем многие из них не освободились от ограниченных представлений о философии как сугубо «западном умозрении». В странах зарубежного Востока есть еще немало ученых, для которых проблемы философского наследия попросту отсутствуют. Абсолютизируя специфику мировоззренческой мысли народов и игнорируя общность культурного развития разных регионов, они отрицают наличие философии в системе традиционной культуры. Впрочем, в умонастроении представителей и этой группы произошли изменения. В их работах уже не преобладают идеи непостижимости иррационального «восточного духа», возвышающегося над всякой философской, спекуляцией. Да и сам Восток предстает теперь не каким-то монолитом культур, а скорее объединением ряда культурных ареалов, каждый из которых обладает исключительно ему свойственными чертами, исходными началами, доминантами развития. Но иногда все же акцентирование специфики приводит ученых к утверждению своеобразного арабского, индийского, китайского, японского и тому подобного видения мира. И хотя в процессе этих теоретических изысканий порой привлекается позитивный материал по философии, истории, социологии, психологии, логике, лингвистике, художественному творчеству, общие методологические позиции исследователей не позволяют осмыслить его по-настоящему содержательно. Более того, концепции, выдвигаемые такими исследователями, объективно направлены против научного познания и использу-

ются реакционной пропагандой в целях разжигания крайне националистических настроений.

Однако подобного рода тенденции в изучении традиционной мировоззренческой мысли народов Востока теперь уже нетипичны для массы публикуемых на данную тему работ. Преобладающим мотивом в них выступает стремление обосновать общность духовно-культурного развития Востока и Запада, признать философию органической частью национальных культур. Авторы этих работ на богатом фактическом материале показывают, что народы Востока в разные периоды своей многовековой истории ставили и решали вопросы о сущности мира, смысле жизни, природе человеческих взаимоотношений.

Новой чертой современных трудов, особенно принадлежащих марксистски ориентированным авторам, является раскрытие связи распространенных в прошлом учений с тенденциями социальной жизни, с историческими потребностями и задачами. Под этим углом зрения оценивается и значимость их сегодня. Данный подход помогает понять также роль движений внутри национальной культуры; они подвергаются суду в сопоставлении с новейшими философскими течениями западной мысли. И тут проблема региональной или национальной специфики приобретает иной, реальный характер, ибо нередко обнаруживается, что неодинаковая степень экономической, социальной, научно-технической и прочей зрелости афро-азиатских государств, прежде всего в сравнении с государствами Европы, обуславливает выдвигание разных идеологических задач и делает необходимым учет этого своеобразия. Например, нуждающиеся в усвоении научно-технических достижений и концепций страны Азии и Африки не могут принять резко антисциентистского направления распространенных на Западе теорий. Тенденции критики науки, рационализма, объяснимые в какой-то мере на Западе, не находят поддержки у прогрессивных философов Востока, уверенных, что их народы страдают сейчас не от чрезмерного влияния науки, рационализма, техники, а от проявляющихся в определенных условиях негативных результатов этого влияния. Такая позиция образует критический фильтр бездумному восприятию западных идей.

Разумеется, издающиеся на Востоке работы, которые касаются проблемы философского наследия, чрезвычайно разнятся по теоретическому уровню содержательности, методологии, причем методологические принципы становятся решающим фактором научной эффективности исследований. Авторы, руководствующиеся ошибочными установками, несмотря на добросовестность в изучении фактического материала и на интересные наблюдения и обобщения, оказываются в конечном счете в плену превратных представлений.

Порочность установок ощутимо отражается как раз на позициях тех ученых, которые рассматривают национальные системы прошлого сквозь призму своего отношения к западной филосо-

фии. «Традиционалисты», скажем, утверждая наличие философии в традиционной культуре, часто возводят ее в ранг единственно истинной формы мировоззрения и на этом основании отрицают всякое ценностное значение западной мысли, более того; видят в ней источник духовного кризиса, социальных противоречий современного мира. «Западники», напротив, преклоняясь перед классическими образцами европейской культуры, ратуя за безоглядное усвоение и прогрессивных и реакционных ее философских доктрин, недооценивают и игнорируют демократические традиции в собственном философском наследии. Наконец, умеренные реформаторы выступают за «синтез восточной и западной культур», за «интеграцию восточной и западной мысли», но, будучи не в состоянии указать пути и методы осуществления «синтеза» или «интеграции», не идут далее попыток «модернизации буддизма» с позиций современной буржуазной философии или переосмысления средневековой арабской мысли с позиций современной идеологии ислама и т. д.

Такого рода подходы к серьезной культурологической проблеме способны дать лишь частичное или временное ее решение, которое, по сути, уводит с трудного пути поисков действительного ответа. В основе их лежит научно несостоятельное положение об отсутствии определяющей зависимости между культурой, идеологией, философией и социально-экономическими условиями, в которых те возникают, функционируют и развиваются. Элементы культуры воспринимаются как разрозненные самостоятельные данности, а не живые социальные образования, связанные с породившей их почвой. При подобном взгляде на наследие оно становится только прахом прошлого, хранящимся в «хронологическом сосуде». В этом случае и духовная культура европейских народов предстает скоплением разного рода течений, теорий, точек зрения, выбор которых зависит от вкуса потребителя и прагматических задач. Утрачивается понимание того, что отказ от собственного наследия и полная ориентация на ценности другой, чужой идеологии ведет к разрушению всей ткани социальной жизни, что синтез двух или нескольких культур возможен только на базе осознания органической взаимосвязи с социальной структурой формировавшего их общества. Вне социально-исторического контекста обращение к тем или иным элементам культуры (будь то собственная прошлая или чужая) превращается в политико-идеологическую операцию, которая крайне далека от того, чтобы служить способом реального решения актуальных задач.

Ученые же, опирающиеся на четкие, последовательно научные методологические принципы, вносят действительно крупный вклад в исследование историко-философских традиций своих стран. В авангарде этой группы выступают видные ученые-марксисты — философы, социологи, историки, культурологи. Трудам их присущи глубина анализа, творческая разработка проблемы. Выводы, к которым они приходят, имеют не только теоретиче-

ское, но и практическое значение для осуществления революционных преобразований в государствах Востока. Анализируя особенности культурного развития этих государств, выявляя национальные традиции развития философской мысли в частности, они отнюдь не умаляют важности приобщения к духовным ценностям цивилизации Запада, подчеркивают необходимость культурного обмена народов разных континентов в интересах материального и духовного прогресса человечества.

Изучение философских доктрин прошлого связано и с выяснением содержательного смысла таких понятий, как «прогрессивные» и «реакционные» элементы в них. Очень часто под первыми подразумевают материализм и атеизм (иногда их прямо отождествляют с ними), а под вторыми — идеализм и религию. Однако подобная трактовка страдает упрощенчеством. В настоящее время можно наблюдать случаи, когда идеалистические или религиозно-идеалистические учения выражают конкретное требование момента, социальные устремления масс. Прогрессивными элементами могут быть и такие идеалистические концепции, которые в той или иной степени являются теоретической основой антиимпериалистических движений.

Обсуждение вопроса о философском наследии предполагает постановку еще одного кардинального вопроса — о характере и содержании теоретического знания в странах Востока. Общеизвестно, что философская мысль здесь развивалась самостоятельно, ее отличает специфическое видение проблем социума и мироздания. Прежде чем что-то противопоставить инациональному влиянию, необходимо это что-то изучить и описать. Вот почему так велик удельный вес историко-философских исследований в этих странах, вот почему к их философской традиции проявляют значительный интерес на других континентах.

Нужно особо подчеркнуть важность адекватного понимания данного вопроса для Африки, поскольку к моменту проникновения сюда европейских государств ее народы находились на доклассовой, редко на раннеклассовой ступени общественного развития. Отсюда возникает потребность анализа соотношения предфилософских форм сознания, в частности мифологии, с собственно философией, а также философии и религии, ибо научное осмысление природной и социальной действительности происходило на путях преодоления мифологического и религиозного взглядов на мир.

В предлагаемом читателю коллективном труде проблема философского наследия раскрывается на материале различных стран, таких, как Индия и Китай с их богатейшими традициями философской мысли, насчитывающими два с половиной тысячелетия, как страны арабоязычного Востока, средневековые философские памятники которых вошли составной частью в сокровищницу мировой культуры, как Япония, не столь богатая традициями, но создавшая собственные оригинальные системы. Включение в коллективный труд раздела по Африке, сохраняю-

шей определенные географические и культурно-исторические связи с Востоком, позволяет составить некоторое представление о традициях народов континента. Нельзя не отметить, что они находятся у истоков своего культурного творчества. Поэтому обращение ученых к их дофилософской мысли — это не просто обращение к мифологическому периоду духовной истории, но попытка переосмыслить тот этап их развития, который предшествовал укоренению в культуре религиозной идеологии, нередко заимствованной у другого народа. Мифологический (соответственно дорегиозный) период выступает в современном сознании нередко как истинная основа искаженной потом духовной структуры народа, его культуры. И одна из задач, которая стоит сейчас, сводится к возврату, оживлению исходных начал истории, очищению подлинно самобытных и творческих пластов культуры от позднейших чужеродных наслоений.

При всех особенностях культурно-исторического развития стран и регионов проблема культурного наследия народов Востока и своеобразие мировоззренческой мысли народов Африканского континента самым непосредственным образом актуализируется, становится одним из неотъемлемых компонентов современной идеологической борьбы, одним из критериев размежевания социальных интересов.

Составляющие коллективный труд разделы несколько отличаются друг от друга исследовательским ракурсом, акцентами анализа, продиктованными как объективными мотивами, так и творческими поисками авторов. Однако во всех случаях исследование проведено на оригинальных источниках с использованием обширной литературы. Авторы стремились к тому, чтобы представить проблему в достаточно широком социально-культурологическом контексте, в тесной органической связи со смежными, не менее актуальными проблемами — философии и культуры, философии и религии, философии и науки, философской вестернизации и сохранения традиций, дабы по возможности лучше познакомить читателя со сложной, быстро меняющейся идейной жизнью современного развивающегося Востока.

* * *

Книга подготовлена к печати в секторе актуальных проблем современной философии стран Азии и Африки Института философии АН СССР. Научно-организационная работа осуществлена Г. Б. Шаймухамбетовой.

1. Маркс К. Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung». — Т. 1. Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изданию Сочинений, работы В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

А. В. Сагадеев

СТЕРЕОТИПЫ И АВТОСТЕРЕОТИПЫ В СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

«Они», «мы» и «вы»

Самосознание национальной, социокультурной или иной какой-либо общности нетождественно самосознанию входящей в нее личности, пусть даже абстрактной или модальной. Но зарождение его у той и другой одинаковое: прежде чем осознать свое «я», человек смотрится, как в зеркало, в другого человека; точно так же любая общность осознает свое «мы» лишь через соотнесение с ними. Без «него» нет «меня», без «них» нет «нас». При этом, подобно индивиду, данная общность знает свое коллективное «я» несравненно лучше, чем «их»: в последних она фиксирует только самое заметное, примечательное, интересное и важное для себя, что, само собой разумеется, придает ее отношениям к «ним» эмоциональную окраску. Но поскольку свое коллективное «я» она сравнивает с «ними», то соответственно и в себе она ищет черты, коррелятивные с теми, которые выделяет в «них». Так возникают стереотипы и автостереотипы — представления одних народов или социокультурных общностей о других и о самих себе. Естественно, что автостереотипы, как правило, бывают благоприятными, а стереотипы — отнюдь не всегда таковыми.

Традиционными можно считать представления, базирующиеся в первую очередь на территориально-географическом различении понятий «мы» и «они», а самыми крупными социокультурными общностями, к которым они относятся, — Восток и Запад. Идея противоположности двух регионов, возникшая еще в эпоху античности в форме дихотомии Азия — Европа, на протяжении веков обрастала у европейцев множеством стереотипов, касающихся ряда аспектов жизни азиатских народов: политического строя, нравов, психического склада, эстетики, мировоззрения. На разных этапах истории эти стереотипы приобретали многообразную идеологическую и эмоциональную окраску в зависимости от характера взаимоотношений западных стран со странами Востока. В эпоху господства колониализма

содержание подобных стереотипов определялось идеологией расизма, третиговавшей неевропейские народы, их историю и культурное наследие. С крушением «классического» колониализма и выходом на мировую арену молодых независимых государств в научных кругах Запада наметилась тенденция рассматривать восточную культуру как хотя и отличную от западной, но равноправную с ней, подчеркивать моменты их взаимодействия и взаимовлияния. Негативные суждения ныне чаще можно услышать от представителей развивающихся стран касательно самой западной цивилизации, причем подобного рода «востокоцентристские» суждения разделяют и некоторые западные авторы, разочарованные в «машинной» цивилизации.

Отказавшись от взглядов на философские учения народов Востока как на творение «примитивного» ума, современные западные исследователи видят в носителях восточных философских традиций равноправных партнеров — участников «диалога». Это обстоятельство, однако, не ставит под сомнение основной тезис западной буржуазной науки прошлого — о коренной противоположности «духа» Востока и «духа» Запада и их философских традиций. В принципе дело не меняется от того, что дихотомия Восток — Запад уступает место типологическому противопоставлению европейской мысли миросозерцательным традициям Индии или Китая.

Выявление и объяснение специфических черт философии Востока и Запада — одна сторона деятельности философов-компаративистов. Другую ее сторону составляют попытки «навести мосты» между «идеями и идеалами» Востока и Запада и даже доказать возможность создания на основе их синтеза некоей «вселенской» философии, попытки, которые сами по себе не только подразумевают, но и закрепляют представление о противоположности соответствующих философских традиций. Касаясь задачи углубления взаимопонимания народов, профессор Раджастханского университета (Индия) Р. Т. Раджу пишет: «Философская компаративистика — молодая наука. Она не могла возникнуть до установления тесных контактов между различными традициями в философии. В настоящее время Восток и Запад вошли в контакт друг с другом в беспрецедентных масштабах и нуждаются в более глубоком понимании друг друга. Эта потребность является уже не вопросом интеллектуальной любознательности, а делом жизни» [56, с. V]. Конечно, представители философской компаративистики движимы не только чисто научными, но и практическими интересами, некоторые из них, в частности, и теми благородными устремлениями, кои имеет в виду Раджу. Но в свете идеологических процессов, проходящих в современном мире, практический аспект их деятельности окрашивается в иные тона.

С точки зрения Запада необходимость изучения философии Востока (и деликатной ее оценки) в наиболее открытой форме выражена профессором Гарвардского университета (США)

У. Э. Хокингом: во внешней политике и торговле всегда учитываются эмоциональные реакции людей: «оскорбленный потребитель не станет покупать, даже если бы захотел», а «восточная реакция на жизнь» выражается как раз в религиозной и философской мысли. «Наши самые конкретные интересы,— заключает он,— потребуют более близкого знакомства с истоками восточного мироощущения даже в тех случаях, когда сами представители Востока игнорируют эти традиции» [33, с. 2]. В таком плане современная философская компаративистика предстает перед нами научной дисциплиной, вполне отвечающей задачам эпохи неокOLONиализма, когда высокомерное отношение к азиатам уступает место «партнерству», открытое колониальное господство — политике «помощи» и «сотрудничества». Не случайно, оценивая итоги деятельности крупнейшего организатора компаративистских исследований, профессора Гавайского университета Ч. Мура, один индийский ученый заметил, что для налаживания доброжелательных отношений между Индией и Америкой он сделал больше, чем поток долларов, поступающих в Индию с Уолл-стрита [61, с. 215].

Что касается восточных участников диалога, то их идеологические установки также ясны: подобного рода исследования служат средством самоутверждения, возвеличения своих мирозерцательных традиций, способных, по убеждению многих, вдохнуть жизнь в «обездушенную» цивилизацию Запада.

Однако традиции в жизни народов Азии и Африки играют двоякую роль: способствуют самоутверждению и национальной интеграции — в этом их положительное значение — и вместе с тем обладают силой инерции, тормозящей поступательное развитие данной культуры. Этот консервативный аспект традиций, особенно опасный в области мировоззрения, усугубляется тем, что националистически настроенные философы Востока акцентируют внимание на религиозных традициях, противопоставляя их «материализму» Запада¹.

На те же традиции делают упор западные ученые. И здесь обнаруживается объективная направленность буржуазной компаративистики против марксистской идеологии, на материалистические и атеистические принципы которой нередко ссылаются буржуазные теоретики, говоря о ее неприемлемости для погруженных в «духовность» народов Азии.

Антикоммунистическая направленность проявляется также при обсуждении проблемы «наведения мостов» между философами Востока и Запада: либо в молчаливом недопущении марксизма к участию в диалоге, либо в предъявлении ему условия — участвовать, отбросив некоторые элементы своего учения. Одновременно наметилась тенденция объяснять распространение марксизма-ленинизма в странах Азии его «близостью» местным религиозным традициям.

Пройдя этап осознания своего коллективного «я» путем контрастного его сопоставления с «ними» на уровне мирозерца-

тельных традиций, философы Запада и Востока, таким образом, вступили в фазу диалога, когда «мы» и «они» превратились в «вы».

Характерной чертой этой фазы является то, что в отличие от прежних лет, когда «диалог» шел между Западом вообще и отдельными национальными либо социокультурными общностями Востока, ныне у философов второго региона намечается стремление выступать не от философской общественности той или иной страны, а от имени Востока в целом. Организационным выражением данной тенденции стала созданная в 1978 г. в Каире I конференция философов афро-азиатских стран, на которой западные исследователи присутствовали, так сказать, в качестве почетных гостей.

Разумеется, трудно представить себе научный форум по другим отраслям знания, для которого континентальная принадлежность его участников имела бы столь большое значение. Философский же форум подобного рода возможен: философия есть идеология, а в этом случае она выступала в качестве существенного элемента характерных для многих развивающихся стран форм националистической идеологии, теоретики которой противопоставляют «свое», «восточное» «их», «западному» мировоззрению. Рассматриваемая в таком аспекте, философия оказывается не столько подлинной, общезначимой наукой, ориентированной на адекватное познание действительности, сколько символом, призванным служить социальной мобилизации людей в обществах, культурная жизнь коих должна быть модернизирована, но не вестернизирована.

О служебном значении философии в идеологии национализма достаточно определенно сказал ливанец Камаль Юсуф аль-Хадж, заявивший, что националистическая деятельность не может рассчитывать на успех, если она не «увенчана феской философией». В этом отношении указанная идеология старается удовлетворять одному из критериев рационально организованной системы знаний — замкнутости. Требование замкнутости означает, что для объяснения содержащихся в конкретной системе положений необходимо привлекать минимальное число соображений, лежащих за ее пределами. Философия, в которой националистическая идеология желает найти свое обоснование и оправдание, должна принадлежать ей, т. е. быть «национальной» и независимой от чуждых, прежде всего западных, учений. Выполнение данного требования должно было бы обеспечить то, что другой арабский автор (Н. Нассар) называет «философской независимостью».

Компаративисты Востока осознанно или неосознанно стремились всегда к достижению именно такой независимости. Но они вряд ли отдавали себе отчет в том, что перед ними стояла принципиально неразрешимая задача. Деятельность их на этом поприще оказывается вторичной по ряду обстоятельств.

Во-первых, историческое и компаративистское изучение

автохтонных миросозерцательных систем началось на Востоке в основном как новая, заимствованная у Запада сфера исследований. Прежде этими системами «жили», теперь их превратили в объект анализа.

Во-вторых, упомянутые системы реконструируются обычно в том виде, в каком их еще раньше воссоздавали на Западе, и разница часто сводится к простой замене негативной их оценки позитивной. В свое время, пишет М. Вахба, фидеисты ополчились против западной ориенталистики, а теперь используют концепции своих вчерашних противников, концепции, которые «колеблются между открытой враждебностью (и расистским отношением) к арабам, к мусульманам вообще и защитой спиритуализма Востока» [3, с. 28].

В-третьих, интерпретация восточных философских традиций производится «западными» теоретическими средствами и с помощью «западного» концептуального инструментария. Поборники «национальной философии», всячески возвеличивая свои традиции, естественно, никак не выражают своего отношения к означенным средствам; между тем последние, поскольку их при истолковании той или иной теории используют в качестве мета-теории, с аксиологической точки зрения должны были бы быть оценены выше той системы, рационализированию которой они служат.

Наконец, в-четвертых, многие подобного рода архаичные системы, восстанавливавшиеся на Западе (на это указывают и сами идеологи афро-азиатского национализма) не в последнюю очередь для отвлечения общественности зависимых стран от актуальных политических вопросов, обращались в орудие борьбы с культурной экспансией колониализма. После достижения же независимости традиционные религиозно-философские учения использовались с аналогичной целью — отвлечения внимания от животрепещущих тем социального развития.

Мы не говорим уже о том, что компаративистские исследования и многие работы, посвященные «национальной философии», остаются непонятными массам, огромному большинству народа, «дух» которого они будто бы выражают.

Дихотомия Восток — Запад

Особенности философских традиций Востока и Запада в большинстве случаев анализируются разрозненно, реже — выводятся из какой-либо доминанты, определяющей специфику мировосприятия представителей того или другого региона. Связанная с этим трудность систематизации усугубляется крайним субъективизмом компаративистов и при вычленении упомянутых черт, и при соотнесении их с выбранной доминантой, субъективизмом, в результате которого выявленные особенности оказываются нередко различными и даже противоположными.

Ниже мы попытаемся установить то типичное или чаще повторяющееся, что может служить своеобразным общим знаменателем для компаративистских концепций западной и восточной философии, и, хотя это не всегда возможно, не касаться индивидуальных отклонений в трактовке вопроса.

Согласно многим из них, западной философии свойствен дуализм, прежде всего субъекта и объекта, а восточной — монизм, в частности слитность объекта и субъекта [73; 52]. В западных системах проводится четкое разграничение духа и материи, совершенного и несовершенного, вечного и временного, бога и мира [10, с. 591]. Уже греки подчеркивали дуализм действий природы и творений искусства; «закон, логос, разум» — все это отделяло западного человека от природы [52, с. 6]. Поскольку Запад живет в мире, расколотом на субъект и объект, «я» и «не-я», «да» и «нет», добро и зло, правильное и неправильное, истину и ложь, он более логичен и научен.

Для уяснения значимости этой черты в трактовке других моментов дихотомии Восток — Запад особый интерес представляют рассуждения Х. Смита (см. [73]). Он рассматривает различия между ними с точки зрения отражения в соответствующих философских традициях отношения между субъектом и непосредственно данной в его опыте действительностью, или, по его терминологии, просто «данным», а также между «данным» и «Данным», т. е. между действительностью, какая она есть, и действительностью, какой она должна быть.

До того как Запад обнаружил первые признаки своего выделения из общего потока развития человечества, пишет Х. Смит, последнее жило единым «космологическим мифом», согласно которому «данное» есть данное богом и вещи могут быть только такими, каковы они есть. Запад покончил с этим мифом, создав между субъектом и «данным» психологическую дистанцию и установив тем самым различие между «данным» и «Данным». «Каждая вещь, согласно Аристотелю, имеет свою Данную форму, которая является также телеологической целью, ее финальной причиной. Summum bonum вещи заключается в возможно более полной актуализации этой формы» [73, с. 453]. Отношение же к «Данному» на Востоке нашло свое типичное выражение в «Бхагавадгите», где «должное» трактуется как то, что вытекает из «наличного», «Данное» (то, что человек должен сделать) сливается с «данным» (общественным положением человека).

По словам Х. Смита, «и Индия и Китай держатся близко к Данному. С развитием самосознания им уже нельзя было приравнивать его к данному, но они не позволяли шириться разделяющей то и другое пропасти. Азиат никогда полностью не выходит за рамки космологического мифа... Обособленность Данного никогда не оказывается столь большой, чтобы оно стало нечеловеческим, чтобы в него вкралось нечто постороннее или существенно чуждое человеческому бытию» [73, с. 454].